

ПЕТРОВСКАЯ А.В.,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры общеправовых дисциплин
Калининградского филиала Санкт-
Петербургского университета МВД России
Petrovskaja.a@mail.ru

УДК 340.114.5+342.4

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КОНСТИТУЦИИ РОССИИ

Идеология, этапы становления идеологии, мировоззренческие основы развития государства, Конституция России, конституционное закрепление национальной идеи.

В статье автор рассуждает о необходимости поиска мировоззренческих ориентиров государственно-правового развития Российской Федерации с целью сохранения национальной идентичности и суверенности. На основе результатов анализа этапов становления идеологии, зарубежного конституционно-правового опыта закрепления идеологии на законодательном уровне сделан вывод о том, что Конституция России вполне может стать тем актом, который на самом высоком уровне закрепит магистральные ценностные ориентиры построения жизни общества (в том числе в публично-правовой сфере).

При формировании российского демократического правового государства - после распада его социалистического «предшественника» - было решено отказаться от любой идеологии, что нашло свое законодательное закрепление в ч.ч. 1 и 2 ст. 13 Конституции Российской Федерации. Отказ от любого упоминания идеологии (за исключением необходимости ее запрета и отрицания необходимости установления) продиктован желанием разрыва с социалистическим, коммунистическим прошлым со всеми его политико-правовыми механизмами. Любые упоминания идей построения коммунистического будущего были отвергнуты. Однако заменить советскую идеологию было нечем. В результате образовался мировоззренческий вакуум. Девяностые годы прошлого столетия ознаменованы попытками построения демократии, рыночной экономики и прочего внедрения западноевропейских политических и правовых ценностей, которые в тот исторический период функционирования нашего государства казались наиболее приемлемыми, идеальными [1]. Однако «иллюзии» о возможности эффективного существования полностью деидеологизированного государства достаточно быстро исчезли. С начала нынешнего столетия в научных и политических кругах не прекращаются споры о необходимости существования государственной идеологии, как фундамента государственно-правового функционирования и развития общества. Кроме того, нормативной дефиниции идеологии на сегодняшний день не закреплено. Понимание этого феномена возможно только путем исследования этапов становления доктринального определения данного понятия.

Термин «идеология» впервые употребляется французским философом Антуаном Дестютом де Траси в XVIII веке. Он рассматривает идеологию как фундаментальную для всех других наук науку о способах формирования и функционирования идей. Однако концепция об идеологии как науки не получила своего развития.

Следующим этапом исследования феномена идеологии по праву считаются учения К. Маркса и Ф. Энгельса. Они рассматривают идеологию не как науку, а как форму общественного сознания, на которое оказывают влияние особенности функционирования социума («бытие определяет сознание»). Вместе с тем такое сознание было сочтено ложным, приоритет отдавался научному (истинному) знанию. Доминирующей в обществе признавалась совокупность ценностных установок и идеалов, транслируемая господствующим классом.

Значительный вклад в исследование рассматриваемого нами феномена внес немецкий социолог Карл Манхейм. В своей работе «Идеология и утопия» он предпринял попытку всестороннего его исследования. К. Манхейм в отличие от К. Маркса и Ф. Энгельса не считал идеологию ложным знанием. Он также признавал, что на формирование идей влияют особенности социальной действи-

тельности, в которой развивается индивид, группа лиц. Особенности коллективной деятельности оказывают влияние на восприятие окружающей действительности. В результате такого мышления появляется понимание и осознание субъектом существующей реальности, формируются чувства, эмоции, отношение к осознанной действительности.

Таким образом, идеология представляется результатом мышления различных групп людей, который, как и тип их мышления, предопределяется характером этих групп и их положением в существующей реальности.

Значительный вклад в исследование сущности идеологии внес итальянский философ Антонио Грамши (1891-1937). С его точки зрения, идеология представляет собой тип мировоззрения, который является средством удержания власти не с помощью насилия, а путем формирования определенной системы ценностей, идей, взглядов, отражающих волю доминирующего класса. Основой противостояния внешнему врагу (внешнему гегемону) может стать сплоченность гражданского общества, объединенного едиными общекультурными ценностями.

Французский философ-неомарксист Луи Альтюссер (1918-1990) рассматривал идеологию как общекультурный принцип организации индивидов, который может использоваться, в частности, государством для организации жизни людей, как мировоззрение, некую матрицу, систему координат, с помощью которой интерпретируется действительность. Следовательно, возможно существование как государственных, так и внегосударственных (религиозных, корпоративных) идеологий [2].

Следующим этапом исследования феномена идеологии принято считать концепцию «конца идеологии»¹ (концепцию деидеологизации), согласно которой влияние на сознание человека культуры, нравственности вытесняется точными техническими, математическими, методологическими знаниями. Вместе с тем данное направление исследований не проявило жизнеспособности, так как начиная уже с 70-х годов XX века появляется концепция реидеологизации, основной идеей которой становится доминирование традиционных духовных демократических ценностей.

Сегодня идеология рассматривается как система взглядов и идей, в которой осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, социальные проблемы и конфликты, а также содержатся цели (программы) социальной деятельности, направленной на изменение или закрепление данной системы отношений [3, с. 122].

Зарубежный конституционно-правовой опыт закрепления идеологии на законодательном уровне показывает тенденции к нормативному установлению модели идеологического плюрализма во взаимоотношении государства и гражданского общества. Однако прямого запрета на установление какой-либо государственной мировоззренческой модели как основного направления политико-правового развития той или иной страны нет.

Так, Конституция Великого Герцогства Люксембург гарантирует свободу религиозных взглядов (ст. 19), слова и запрет на установление цензуры (ст. 24)¹. Конституция Португалии гарантирует равенство всех лиц вне зависимости от их убеждений, в том числе идеологических (ст. 13), свободу выражения, распространения своего мнения, поиска информации, запрет цензуры (ст. 37), свободу средств массовой информации (ст. 38), религиозных убеждений и совести (ст. 41), запрет на формирование образовательных программ, основанных на каких-либо идеологических, политических, религиозных установках (ст. 43)³. Во французской конституции получил свое закрепление плюрализм мнений (ст. 4), а в Декларации прав человека 1789 года, которая является частью Основного Закона Франции, содержится запрет на преследование человека за его взгляды, религиозные убеждения, если они не нарушают закон (ст. 10), гарантируется свободное высказывание мнений, в том числе в средствах массовой информации (ст. 11)⁴. Основным законом Германии также провозглашает и гарантирует свободу совести и вероисповедания (ст. 4), запрет цензуры, свободу печати и информации, науки, искусства, преподавания (ст. 5)⁵. Первая поправка к Конституции США содержит адресованный Конгрессу запрет устанавливать обязательную религию, ограничивать свободу слова и средств массовой информации⁶.

Республики, которые входили в состав СССР, после объявления независимости так же, как и Россия, конституционно закрепили принципы правового, демократического государства, однако идеологический плюрализм связывают со свободой религии, слова, средств массовой информации. Так, преамбула Конституции Казахстана отражает приверженность идеям свободы, равенства, согласия. Вместе с тем ст. 5 закрепляет идеологический и политический плюрализм, запрет цензуры, свободу слова и творчества⁷. Основным законом Республики Беларусь в ст. 4 провозглашает, что политический режим в стране основывается на идеологии белорусского государства, идеология политических партий, религиозных и иных общественных объедине-

¹ Популярная в 1960-1970-е годы концепция, представленная идеями американских социологов Дениела Белла, Сеймура Липсета, француза Раймона Арона и др.

² Конституция Великого Герцогства Люксембург от 17 октября 1868 года // Конституции государств Европы. М.: Норма, 2017. С. 171-190.

³ Конституция Португальской Республики от 2 апреля 1976 года // Конституции государств Европы. М.: Норма, 2017. С. 84-158.

⁴ Конституция Французской Республики 4 октября 1958 года // Конституции государств Европы. М.: Норма, 2017. С. 665-682.

⁵ Основной закон Федеративной Республики Германии, 23 мая 1949 года // URL: <https://legalns.com/download/books/cons/germany.pdf> (дата обращения: 27.03.2023).

⁶ Конституция США, 17 сентября 1787 года // Конституции зарубежных стран. М.: Вольтерс Клувер. С. 18-35.

⁷ Конституция Республики Казахстан, 30 мая 1995 года // URL: <https://constitution.kz/> (дата обращения: 27.03.2023).

ний не может устанавливаться в качестве обязательной. Кроме того, ст. 16 закрепляет запрет деятельности религиозных организаций, которая направлена против суверенитета, гражданского согласия, нарушает права граждан, препятствует реализации обязанностей, наносит вред здоровью и нравственности. Также конституционно закрепляется запрет цензуры и монополизации средств массовой информации (ст. 33)¹. Статья 7 Конституции Армении закрепляет идеологическое многообразие, отделение церкви от государства, равенство религиозных учреждений, признавая вместе с тем исключительную миссию Армянской Святой Апостольской Церкви (ст.ст. 8, 18)².

Таким образом, прямого запрета на установление государственной идеологии, которая отражала бы мировоззренческие основы политико-правового развития и существования государства не закрепляется ни в западноевропейских конституциях (действующих в достаточно развитых с точки зрения мирового сообщества правовых демократических государствах), ни в конституциях государств, имеющих общее с Россией советское прошлое. Кроме того, западноевропейская философско-правовая доктрина (которая легла в основу правовых реформ государства Российской Федерация) еще во второй половине прошлого столетия отказалась от концепции идеологизации в пользу пропаганды демократических правовых ценностей.

Представляется, что сегодня в России к феномену «идеология» уже нет такого «болезненного» отношения, какое наблюдалось три десятилетия назад. Современные политико-правовые процессы глобализации, стандартизации, унификации, сопровождающиеся попытками западноевропейских стран навязать свои модели нашему (российскому) дальнейшему развитию, создают угрозу идентичности, самости, суверенности развития и существования российского государства и общества. Сплочение российского народа общими идеями, ценностными ориентирами и установками позволит противостоять указанным угрозам. Неслучайно еще в начале столетия представители высших органов государственной власти, авторитетные ученые-правоведы и политологи активно призывали к поиску и утверждению русской национальной идеи как совокупности ценностных ориентиров, объединяющих многонациональный российский народ в единое суверенное государство и позволяющих самостоятельно, с учетом цивилизационных особенностей становления выбирать путь своего дальнейшего развития.

Первая глава Конституции Российской Федерации, которая содержит норму о недопустимости установления государственной и обязательной идеологии, неизменна. Ее изменение возможно только путем принятия новой конституции. По нашему мнению, ее принятие не является сегодня целесообразным. Стабильность конституции гарантирует уверенность в неизменности норм, определяющих основные направления жизнедеятельности государства и общества в политической, экономической, социальной, правовой сферах. Представляется, что для обеспечения адаптации конституционных положений к изменяющейся действительности возможно внесение в них изменений, значительную роль могла бы сыграть интерпретационная деятельность органов конституционного контроля. Вместе с тем относительно декларации государственной идеологии нам импонирует точка зрения Л.Н. Гончаренко и Э.Б. Аваковой, которые отмечают, что «государственная идеология может декларироваться официально, а может существовать де-факто, находя свое программно-политическое воплощение в выступлениях руководителей страны, исто-

PETROVSKAYA A.V.,
PhD in Juridical Sciences,
Assistant Professor, Docent of
the Department of General Legal
Disciplines of the Kaliningrad
Branch of the Saint-Petersburg
University of the Ministry
of the Interior of Russia

IDEOLOGICAL FUNCTION OF THE RUSSIAN CONSTITUTION

**Ideology, stages of formation of
ideology, ideological foundations
of the development of the state,
the Constitution of Russia,
constitutional consolidation
of the national idea.**

In the article, the author discusses the need to search for ideological guidelines for the state and legal development of the Russian Federation in order to preserve national identity and sovereignty. Based on the results of the analysis of the stages of formation of ideology, foreign constitutional and legal experience of consolidating ideology at the legislative level, it was concluded that the Constitution of Russia may well become the act that at the highest level will consolidate the main value guidelines for building the life of society (including public law sphere).

¹ Конституция Республики Беларусь, 15 марта 1994 года // <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 27.03.2023).

² Конституция Республики Армения, 6 декабря 2015 года // <http://www.parliament.am/parliament.php?id=constitution&lang=rus> (дата обращения: 27.03.2023).

рических и публицистических сочинениях, действующей Конституции, принимаемых законах, разного рода общегосударственных стратегиях, доктринах и программах» [4, с. 8].

Конституция, по сути, в социальном аспекте имеет конвенциональный характер, выражающийся в договоре между народом и органами публичной власти об установлении фундаментальных (частично неизменных) правил существования государства и общества. В этих правилах отражена особенность национального, культурного, исторического становления российской государственности. В юридическом контексте конституция является базовым (фундаментальным) нормативным правовым актом, имеющим непосредственное действие на всей территории государства и высшую юридическую силу, определяющую смысл и содержание национального законодательства. В политическом аспекте конституцию можно рассматривать как

документ, определяющий основы политической системы государства, взаимодействия и функционирования ключевых ее элементов (государства и негосударственных политических образований).

Таким образом, Основной закон нашего государства вполне может являться тем актом, который на самом высоком уровне закрепляет магистральные ценностные ориентиры построения жизни общества, в том числе (и по большей части) в публично-правовой сфере. Конституция позволяет противостоять процессам глобализации и попыткам унификации всех сфер жизнедеятельности социума. Закрепляя на уровне Основного закона страны векторные направления развития общества, гарантируя приоритет национальных интересов перед глобальными, верховенство Конституции, ее прямое действие, на наш взгляд, возможно сохранить государственно-национальную идентичность и реальный суверенитет государства. ■

Библиографический список:

1. Валовая М.Д. Государственное управление и идеология: врозь нельзя вместе // Контурные глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2012. № 2 (22). С. 95-96.
2. Тищенко Н.В. Идеология в контексте культурных практик: Л. Альтюссер, А. Грамши, Г. Дебор // Общество: философия, история, культура. 2018. № 1. С. 143-145.
3. Руднева М.С. Необходимость и возможность существования идеологии в современной России // Наука без границ. 2017. № 11 (16). С. 122-125.
4. Гончаренко Л.Н., Авакова Э.Б. К вопросу о государственной идеологии современной России // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2020. Т. 31. С. 6-20.